

Религиозно-философские представления о духовности, душевности и плотяности человека¹

В религиозной философии взаимосвязь понятий человеческого духа, души, плоти и тела подчинена общей метафизической логике взаимосвязи категорий духа, материи, формы и содержания. В человеке дух «вообще» конкретизирован *человеческим духом*, понятие материи представлено *плотью*, понятие формы – *душой*, а понятие содержания (как единства материи и формы, по Аристотелю) – *телом*. Понятия плоти и тела существенно различны, равно как нетождественны понятия души и духа. Христиане трактуют «душевную телесность» как детский период еще не определившейся души, в «плотяной телесности» усматривают болезненное и преходящее состояние тела, а «духовную телесность» оценивают как онтологическую норму тела.

В Библии термин *плоть* наделяется тремя значениями: 1) мягкая часть тела, отличная от крови и костей; 2) все тело; 3) все совокупное человечество («всякая плоть»). Иногда этот термин используется (особенно в Новом Завете) также в смысле властвования материи тела над душой. Смерть человеческого духа – прекращение его связи со Святым Духом, а смерть души – разрыв ее связи с духом и плотью. Духовная смерть – от греха и преступлений; грех отделяет душу от Духа, и тогда душевная жизнь превращается в эгоистичную и самовольную плотяность.

В привычном смысле тело «вообще» есть отдельный материальный предмет, находящийся в пространстве-времени, а тело человека есть человеческий организм, взятый в его внешней физической форме. Однако для последователей апостола Павла тело – это не просто материя индивида (биологический скафандр), а интегративная целостность плоти, души и духа; отсюда фундаментальные категории *тело плоти* и *духовное тело*.

Типология телесности выстраивается на основе представлений о разных пропорциях плотяного и духовного в индивидах – начиная с тела физического и плотного и завершая предельно тонкими нефизическими телами (духовное, астральное, ментальное, эфирное и т. п.). Так, по С. Н. Булгакову, каждая стоящая идея имеет собственную духовную красоту, особое духовное тело, и к духовной телесности не применимы представления о пространстве и времени. В христианском богословии выделяют три типа человеческой целостности: 1) душевный; 2) плотяный; 3) духовный. Эти типы ассоциированы с понятиями *душевность*, *плотяность*, *духовность*. В «человеке душевном» душа пока не решила, служить ли ей плоти либо духу; в «человеке плотяном» плоть властвует над душой; в «духовном человеке» душа уверенно ориентируется на духовные ценности.

В раннем христианстве между собою конкурировали две онтологии человеческой телесности – платоновско-гностическая и библейская. Платоники и гностики считали плоть источником зла и несчастий, мешающим познавать Бога; заключение бестелесной души в плоть есть наказание за грех. Напротив, в Новом Завете плоть и душа трактуются как взаимодополняющие аспекты тела человека, никогда не существующие друг без друга; тело – храм духа; без тела невозможно наказать или наградить человека за его поступки. Эта вторая точка зрения на тело ясно выражена, например, в антропологии апостола Павла. Вечными остаются онтологические вопросы, насколько тесно душа слита с плотью и способна ли она по

¹ Текст приводится по изданию: Пивоваров Д. В. Религиозно-философские модели человека // Философская антропология: теоретический анализ. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2006. – Ч. 1, гл. 6. – С. 112–125.

собственной воле отлучаться из тела, становиться свободным духом, насыщать себя содержанием внеположенного ей объективного духовного мира.

Согласно основным религиозным учениям, абсолютный Дух всегда как бы снаружи, объективен, но непротяжен. Он несотворим, вечен, совершенен, неограничен, свободен от конкретных воплощений, деятелен, вездесущ, мало где задерживается и неустанно творит новые определения, в том числе – «служебных духов» (ангелов) и человеческий субъективный дух. Нет вещи, которая не могла бы быть пронизанной каким-либо духом. Всякий дух обладает гораздо большей степенью реальности, нежели душа. Во всех национальных языках слово *дух* – существительное мужского рода, а *душа* – женского рода. Об объективном и субъективном духе обычно говорят не как о разновидности существования, а как о *бытии* – бездне бытия, бытии без границ, открытом бытии. Святой Дух творит человеческую душу несовершенной, ограниченной, страдающей. Связанное существование души в теле («стояние в просвете бытия», по Хайдеггеру) философы именуют словом *экзистенция*.

Многие богословы верят, что душа непременно сопряжена с какой-нибудь телесностью, будь то целостность отдельной твари или соматика универсума, оживляемая мировой психеей. Слившись с плотью, душа как бы всегда внутри определенного тела (но не метрична); она не бывает одновременно в двух топосах, постоянно помнит о своем теле. Душа – загадочный посредник между духом и плотью. Сочленя духовное с материальным, она зависит и от духа, и от плоти. Душа сохраняет проект и внутреннюю форму того тела, которое оживляет, лишь иногда (согласно некоторым учениям) на короткое время отлучаясь из своей обители. Душа есть поток переживаний, непосредственное единство «я», целостность субъективности, длительность личности, энергия самосохранения, принцип жизни, центр телесного и рефлексивного опыта.

Материя тела подчинена фатуму причинности, своим духом же человек причастен умопостигаемому миру свободы. Если душа – пожизненный узник плоти, то она способна духовно совершенствоваться только благодаря привхождению в нее (извне или из неких глубин «я») свободного духа; в таком случае дух и душа суть разные компоненты личности. Если же, наоборот, душа сама вольна решать, замыкаться ли ей в теле или в любое время выходить из него наружу и затем возвращаться, то именно психея сама определяет, быть ли ей преимущественно плотной или духовной. Или, быть может, есть два рода людей: одни рождены с душой как свободным духом, а другие – с плотской душой, нуждающейся в помощи внешних духов? Среди религиозных философов на сей счет нет единогласия.

По Тертуллиану, душа без тела – ничто, она соединяется с Богом через тело, которое есть «якорь спасения» человека. Спиноза писал о душе как об идее тела, а о личности – как сплаве тела и души; душа не только воспринимает состояние тела, но и имеет идеи этих состояний. Один только Бог, считал Лейбниц, есть субстанция, поистине отделенная от материи, все же сотворенные души имеют тела и слиты с ними. Кондильяк кратко определял душу как субстанцию, которая чувствует. Ламетри считал, что невозможно представить себе душу вне тела или хотя бы на мгновение покидающую его, ибо все свойства души познаются через телесные проявления и внутренние чувства.

Другие философы склоняются к мнению об относительной самостоятельности души в исполнении своих плотских функций. Душа подчас пресыщается весельем, печалью, сердитостью, нежностью, лицемерием, сладострастием. Тогда она уходит в себя, изолируется от мира и собственного тела. Открываться или закрываться миру и своему телу душа может лишь постольку, поскольку она автономна в диалоге с плотью. Пифагор и Платон считали душу слабо прикрепленной к телу, а ее выходы из тела оценивали как очищение души и восстановление ее подлин-

ного существования. Декарт воображал себе душу маленьким внутренним человечком, живущим своей особой жизнью. Душа постепенно налаживает взаимоотношения с телом, учится пользоваться органами чувств, различать в звуке слово, а в слове идею. А. Н. Радищев писал о душе человека как «существе самом по себе», нераздельном в своих чувствованиях и мыслях; благодаря простоте, непротяженности и нераздельности своей души человек ощущает себестождественность и целостность вчера и сегодня. Дидро отмечал, что душа устает и отдыхает, как и тело; она может потерять свою власть над телом, подобно тому как тело утрачивает свою власть над душой.

Стало быть, в религиозной философии сложился неразрешимый парадокс: 1) тело живо в силу действия души; в неподвижном теле души нет; душа никогда не молчит, говорит, постоянно охраняет тело, а болезнь души вызывает разрушение и смерть тела (скончаться можно даже из-за мимолетного угасания души); 2) жизнь тела продолжается даже тогда, когда душа вступает с ним в разлад, замыкается в себе, становится бесчувственной, разучивается пользоваться телом либо еще не обучилась им владеть. Выходит, душа находится отнюдь не в простых отношениях со своим телом. Иногда она властвует над телом, а порой, наоборот, тело владеет душой как своим орудием. Душа свободна в теле, если обладающее ею существо поступает в соответствии с природой своего организма. В противном случае отношения между телом и душой осложняются, гармония между ними исчезает.

В философской антропологии извечно конкурируют три онтологических модели человека – одномерная, двумерная и трехмерная.

Одномерная модель: человек состоит либо из духа (спиритуализм), и тогда все остальное в нем – чистая кажимость, либо из материи (материализм), и тогда его психика – одна из функций материального мозга.

Двумерная модель: в человеке как целом совмещены два начала, не выводимые логически друг из друга, а именно душа и плоть. Душа – принцип тела, а плоть – материя тела. Совместно действуя, душа и плоть образуют тело. Сторонники этой модели чаще предпочитают вместо трихотомии «душа + плоть = тело» оперировать упрощенной дихотомией «душа – тело». Дух они определяют не как нечто отдельное и отличное от души, но как высшую форму души (например, по Декарту, дух – это «разумная душа»). Душевность понимается ими очень широко – как гармония переживаний, эмоций, чувств, воли, разума (хотя в народном словоупотреблении прилагательное *душевный* имеет гораздо более узкое значение: «душа-человек», т. е. сердечный, чувствительный, порядочный, добрый).

Отмечается, что телесная (плотская) и духовная (интеллектуальная) стороны души далеко не всегда бывают развиты одинаково и гармонично; в этом случае индивид лишен полноценной «душевности». Подчас адепты указанной модели утверждают, что для лучшего проявления трансцендентальных способностей рациональной души (духа) требуется ослабевание и даже угасание обычного сознания; в этом случае высшую часть души именуют *сверхсознанием*.

Итак, в двумерной модели духовная функция души – только один из моментов душевности, а духовность «вообще» есть мера развития интеллектуальных способностей людей (по формуле «чем больше у человека ума, тем он более духовен»). Критики двумерной модели возражают против сближения интеллекта и духа. Они справедливо полагают, что развитие интеллекта вовсе не обязательно влечет рост духовности, но может даже вредить этому росту; ни многознание уму не научает, ни интеллект сам по себе не наделяет человека духовностью,

В трехмерной модели человека между собой разведены три начала – душа, дух и плоть – и противопоставлены упомянутые выше понятия душевного, духовного и плотного человека. Как известно, апостол Павел уподобил человека хра-

му, три части которого – двор, святилище и святая святых – символизируют нашу плоть, душу и дух: «Разве не знаете, что вы Храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (I Кор. 3, 16). Отличая от себя дух, душа пребывает в нем и отражает его, как зеркало. Душа преломляет в себе свет невоплощенного духа. Дух Божий освечивает в душе человека, и душа человека – образ Божий, подобие его Духа. Как Солнце льет свои лучи вне зависимости от того, воспринимаем ли мы их или уклоняемся от них, так и духовный свет не зависит от того, цело ли зеркало души, криво ли или вообще разбито. Субъективный дух человека направлен не столько на рациональное познание мира, сколько на творение новых миров.

Сегодня сторонники трехмерной модели считают, что в осуществлении плотской функции души преимущественно участвуют чувства, воля и разум, а в реализации духовной функции – интуиция, вера и совесть. Вне дара духа душа не способна к интуиции, мистическому соприсутствию, угрызениям совести; она не имеет веры, ибо сосредоточена на плотных отправлениях. Не ощущая долгое время живительных импульсов объективного и/или субъективного духа, душа увядает, выпадает из общей бездны сущего. Благодаря вхождению в душу духа она становится духовной. Далеко не все духовное в нас мы способны осознавать, но дух знает всего человека в целом.

В трехмерной модели взаимосвязь бытия духа и экзистенции души обозначается понятием духовности человека. Духовность есть пребывание души в духе, оплодотворение души духом, постоянная тяга к духу, «пневматическая искра души» (Флоренский). Святой Дух или иной внешний дух даруется душе, посещает ее, вселяется в нее, но может также уйти, развоплотиться. Благодать – Божий дар, вселение в человека Святого Духа. Вселение же злого духа – одержимость бесовскими силами. Напротив, бездуховность – это отрыв души от духа «вообще», замыкание способностей души на деятельности по обслуживанию ее телесной оболочки (плоти) и сохранению достигнутой жизненной формы.

В христианстве синонимом *бездуховности* является *плотность*: бездуховный человек есть «тело плоти», плотская целостность, человек плотяный. Бездуховность может быть сопряжена либо с неразвитостью тяги души к бытию духа, либо с усталостью преодолевать инерцию экзистенции и эгоизм. Сама по себе душа без духа – это «психика» (В. Ф. Войно-Ясенецкий), «пуерилизм» (М. Шеллер). Бездуховность вызывает в человеке ощущение пустоты.

Дух бывает положен в душе как основании и высвечивается в ней ярко или тускло, прямо или искаженно в зависимости от свойств самой души. Не зеркало производит свет (и не душа – дух). Свет может быть дан или не дан. Так же и духовный дар: он либо у человека есть, либо отсутствует. Тем не менее от качества зеркала зависит степень адекватности отражения и искажения привходящего света. Равным образом совесть, интуиция и все то, что открывается верой, обусловлены чистотой или замутненностью души, ее отражательными свойствами.

Отсюда следует, что не всегда верность духовным принципам гарантирует истину духа. Если душа – зеркало искажающее, то совесть способна обманываться, интуиция – подводить и давать фантастическое видение сущностей, а мистическое общение – вести к дезинформации и лжепророчеству. Истинная или ложная вера – это не только продукт вселения (дара) духа, более или менее близкого к сферам Абсолюта, но также умения души становиться зеркалом духа.

В Новом Завете словом *духовность*, как правило, обозначается «причастность Святому Духу». В этом положительном смысле духовность есть процесс полного, адекватного, правильного и гармоничного развития таких духовных способностей человека, как вера, интуиция и совесть. Через Дух добра душа вступает в общение с Богом, наделяется духовной благодатью и внезапно, по наитию, без сознательных усилий получает внутренние видения и импульсы истинного твор-

чества. Оплодотворяясь Духом добра, душа расцветает и совершенствуется. Многие современные философы-атеисты (например, проф. Р. Л. Лившиц) тоже понимают духовность как нечто исключительно положительное, не признают негативной духовности и противопоставляют «положительной» духовности «отрицательную» бездуховность.

Изучение сакральных текстов приводит нас к выводу, что неправомерно всякий раз восторгаться «духовностью» и вкладывать в это понятие только положительный смысл. Всякий ли дух выражает подлинное бытие, заслуживая доверия, и всякая ли наполненность души духом истинна? «Есть духовное благо, есть духовное зло. Есть святые, есть и падшие ангелы. Худшие наши грехи – духовные» (К. С. Льюис). Коль скоро душа одухотворена духом (внешним или внутренним), то она духовна. Но дух духу рознь и, следовательно, одухотворенность человека бывает либо доброй, либо злой – в зависимости от того, каким духом человек наполнен или одержим.

Один «служебный дух» ближе к Абсолюту, точнее выражает истинную полноту бытия, тайну жизни и гармонию творчества. Иной же, отклоняющийся от полноты бытия, разрушителен, и ему не следует умиляться. Стремясь к самодостаточности, такой дух обособляется, перестает исполнять свою служебную (в отношении Святого Духа) роль, нарушает гармонию и целостность пирамиды духов, творит зло. Сатана – дух, но не душевен. Если истину понимать не только в узкогносеологическом смысле, но как калокагатию, то следует различать истинную и ложную духовность. Ложная духовность – не бездуховность, но духовность безобразная, злая и подменяющая любовь к Абсолюту притяжением к фальшивому идеалу субстанции.

Как сказано выше, христианское понятие *душевность* по преимуществу обозначает состояние неопределенности души, когда душа еще твердо не решила, избрать ли ей путь плоти или ориентироваться на аттрактор духа. «Сеется тело душевное, восстает тело духовное, – читаем у Павла. – Есть тело душевное, есть тело и духовное. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное» (I Кор. 15, 44–46). Бог создал человека «душею живою», но благодаря общению со Святым Духом и внутренней работе своего духа душевный человек может превратиться в духовного человека. Когда в человеке дух пока дремлет, у него слабо выражены способности к интуитивному и мистическому постижению предельных целостностей универсума, а также умение жить по совести. В то же время человек со слабо развитым духом может быть вполне душевным – сочувствующим, очень умным, волевым.

Если душа – зеркало духа, то плоть – зеркало души. Человеческий дух требует сосредоточиться на Духе и пожертвования плотским ради высших неутилитарных ценностей. Напротив, плоть диктует душе сосредоточиться на собственном «я», искать способы удовлетворения своих материальных потребностей, начиная с прямых физиологических отпавлений и кончая властью над природой и другими людьми. Пребывание в плену у плоти мешает духовному росту человека, а после духовного возрождения в индивиде наступает разделение его души и духа. Из-за противоречия между духом и плотью душа индивида превращается в арену борьбы «ангела и зверя» (А. Жид), альтруизма и эгоизма. Быть может, между духовным и плотским в человеке должна существовать «золотая пропорция», но чаще эти ипостаси раздирают душу на соперничающие части. Дела плоти могут быть праведными и неправедными в зависимости от того, какая тенденция – духовная или плотская – берет верх в человеческой душе.

«Ибо не понимаю, что делаю, – говорит Павел, – потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. <...> Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим. <...> Но в членах моих вижу иной закон...» (Рим. 7,

15, 22–23). Новорожденные младенцы еще не духовны в вере, а взрослые, которые не стали духовными, подобны младенцам и отдаются усладам плоти. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божьего, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (I Кор. 2, 14).

Нередко сторонники трехмерной модели человека отвлекаются от различий между *душевностью* и *плотностью*, отождествляют между собой эти два христианских понятия и предпочитают сопоставлять только людей духовных и плотных. Они говорят, что духовный человек в первую очередь доверяет свету внутреннего зрения, прислушивается к голосу совести, гармонии высших духовных сфер, освобождается от уз плоти силою веры. Он мрачноват, недолюбливает шутки, юмор, веселье, многознание, мудрствование. Для него более реально мистическое, сверхчувственное и менее реально обычные материальные вещи.

Напротив, плотский (душевный) человек прежде всего доверяет своему внешнему чувственному опыту и разуму, хвастлив, любознателен, любит порассуждать, пошутить, поспорить, доходить до всего своим умом, искать недостатки в других, критиковать. Он тянется к физической красоте, жаждет похвалы, легко впадает в ликование или печаль, медлен в прощении, разговорчив, чувствителен, высокопарен, самодоволен. В одном из плотных людей более развит разум, в другом – воля, в третьем – чувственное начало. Но все эти способности могут идти вразрез с духовностью человека, ибо нацелены на прославление «я».

Материальная потребность может рано или поздно удовлетворяться, духовными же исканиями человек не пресыщается никогда, в тенденции становясь существом универсальным. Рождаясь в мир, ребенок еще не осознает, что у него есть душа, и относится к своей душе бессознательно. По мере своего взросления индивид духовно пробуждается, испытывает влечение к идеалам культуры. Наконец, человек может обрести веру в абсолютный Дух, и ему открывается бездна духовного бытия.